

«КОГДА ПРИЕЗЖАЕШЬ ЖИТЬ В ШВЕЙЦАРИЮ, НУЖНО НАЙТИ ЕЁ В СЕБЕ И ДЛЯ СЕБЯ». ШВЕЙЦАРСКИЙ ИДИЛЛИЧЕСКИЙ ЛОКУС В ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИХАИЛА ШИШКИНА

Галина Михайлова

Вильнюсский университет
Кафедра русской филологии

В статье рассматриваются произведения Михаила Шишкина (книги, эссе), посвященные Швейцарии, а также ряд выступлений и интервью писателя, подчас противоречивых. Проблематизируются особенности воссоздания образа Швейцарии современным писателем-эмигрантом, а также его социо-культурный статус и психология. Особое внимание уделяется полемике Шишкина с Бродским и Солженицыным, а также набокковским отголоскам в некоторых текстах писателя.

Ключевые слова: Швейцария, дискурс России, эмигрант, Солженицын, Бродский, гибридная идентичность.

Keywords: Switzerland, discourse of Russia, expatriate, Solzhenitsyn, Brodsky, Nabokov, hybrid identity.

Один из идиллических топов европейской литературы – это Швейцария, на протяжении нескольких веков превращавшаяся из геополитического образования в полумифическую социально-пространственную конфигурацию стараниями Ж.-Ж. Руссо и его последователей, а также авторов многочисленных травелогов. Каждая из больших европейских культур (российская в том числе) предложила собственные интерпретации швейцарской идиллии.

Думается, что в современной литературе интерес представляют доминанты «русской тональности» этого локуса у Михаила Шишкина, известного российского писателя, проживающего в Швейцарии. Материалом для рассуждений стали литературно-историче-

ский путеводитель Шишкина *Русская Швейцария* (1999)¹, главы из его книги *Монтрё–Миссолунги–Астаново. По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернские Альпы* (2002), переведенные на русский язык с немецкого и опубликованные в 2008 г., а также некоторые эссе (в том числе в виде путевых заметок) и интервью писателя.

Начну с того, что пребывание Шишкина в Швейцарии нельзя назвать «эмиграцией». Об этом неоднократно заявлял сам писатель, указывая на сугу-

¹ Первое издание книги – 1999 г. (распространялась в Швейцарии). Отдельные главы из книги публиковались в российских журналах. Второе издание книги (издательство «Вагриус») осуществлено в 2006 г.

бо бытовые причины отъезда из России, а также на нерелевантность (с его точки зрения) самого понятия «эмиграция» современной геополитической ситуации².

Действительно, с точки зрения современной эмигрантологии, Шишкин попадает под определение ‘экспатриант’, то есть человек, покинувший отечество добровольно, не являющийся изгнанником и не считающий себя таковым (Бугаева 2006, 53). Но если говорить о повествовательных стратегиях в путеводителе и путевых заметках Шишкина, то пространственная, психологическая, оценочно-аксиологическая позиция нарратора в этих текстах совмещает в себе позиции ‘экспатрианта’ и ‘туриста’, то есть насельника швейцарского локуса и ее созерцателя. ‘Турист’, если воспользоваться типологией фигур современной мобильности, предложенной Л. Бугаевой, может перемещаться «в отличное от привычного культурное пространство <...> с целью познать себя, взглянув на себя глазами другого, открыть для себя некую реальность, недоступную в пространстве родного дома» (там же, 54). Интенция Шишкина, замышлявшего путеводитель по Швейцарии, была аналогична туристическим целям:

...мне кажется, писателю нужно обязательно уезжать на какое-то время из своей страны, из своего языка. Потому

что тогда он начинает видеть себя и свою страну как в зеркале. Ты живёшь в Швейцарии, смотришься в Швейцарию, а видишь свое отражение. Иначе как можно прожить всю жизнь, не посмотрев ни разу в зеркало? Взгляд со стороны всегда помогает понять и свою страну, и самого себя.

(Шишкин 2010)³

Таким образом, идея формирования представления о своей стране через чужое и принцип самоидентификации посредством другого лежат в основе путевой прозы Шишкина. Однако избрав Швейцарию местом постоянного жительства, Шишкин пытался разрешить и иную задачу – не туриста, но экспатрианта:

Мысли о «литературной географии» и князе Мышкине, которого разбудил рев осла в Базеле, пришли уже на фоне Альп, когда вдруг ощутил себя на каком-то пустынном острове. Вернее, так: в Швейцарии было все, кроме России и русской истории и культуры. Вдруг стало очевидно, что это то, что мне нужно для жизни и чего я лишился. Пришлось написать литературно-исторический путеводитель «Русская Швейцария». Теперь этот 600-страничный труд стал настольной книгой каждого русского, который как-то связан со Швейцарией. А главное, эта книга сделала для меня ту страну пригодной для жизни.

(Шишкин 2010а.

Выделено мной. – Г.М.)

² Например: «Все получилось по семейным обстоятельствам. Никакой политики, никакой эмиграции, никакого беженства» (Шишкин 2010а); «Само понятие эмиграции давным-давно ушло в прошлое, как телеграф или паровоз. Люди в XXI веке живут везде, по все стороны границ, и я давно живу везде» (Шишкин 2011).

³ Ср.: «В другой стране прежде всего поражает не сама страна, а разница с тем, к чему привык. Чужой мир оказывается зеркалом. Можно пенять на зеркало, но оно помогает увидеть себя. „Русская Швейцария“ – это попытка понять через альпийские отражения, почему у моей страны такое монструозное прошлое, которое не пускает ее в будущее» (Шишкин 2007).

Перед нами процесс, скажем так, психологической саморегуляции: новый житель Швейцарии, Шишкин, реконструирует сегменты «русского мира» (точнее, мира русской истории и культуры)⁴ в чужой стране, тем самым смягчая стресс аккультурации. Результат, судя всему, превзошел все ожидания: уже в 2005 г., после публикации романа *Венерин волос*, будучи лауреатом престижных российских литературных премий, а также обладателем швейцарской и французской литературных наград, Шишкин заявляет:

Что касается русской культуры в Цюрихе, то, как это ни странно звучит, я себя здесь ею и ощущаю. В этом смысле в России сложнее ощутить себя частью русской культуры. В детстве был рассказ про мальчика, оставшегося до позднего вечера в парке – все, с кем он играл, убежали давно домой, забыв о нем, а он не мог оставить свой игрушечный пост без приказа. Вот я ощущаю себя здесь таким забытым постовым. Русская культура где-то далеко, а я тут – ее самозванный часовой. <...> ...я отправился с моим ноутбуком по маршруту, описанному Байроном и Толстым с Женевского озера в Бернский Оберланд. Шел семь дней. Получилось семь глав моего сотворения этого мира. За эту книгу, которая вышла и во французском переводе, я получил главную литературную премию города Цюриха. Но от этого я не ста-

новлюсь «швейцарским писателем». Остаюсь самим собой – я живу и пишу по-русски здесь и сейчас.

(Шишкин б. г.
Выделено мной. – Г.М.)

В подобной позиции писателя можно было бы услышать отголоски идеи «посланничества» первой русской эмиграции, если бы не то обстоятельство, что задача сохранения русской культуры у Шишкина преобразована мыслью о ее формировании вне возвращения (даже символического) в материнское лоно. Во всяком случае, очевидна солидарность Шишкина с высказыванием высоко им ценимого эссеиста и прозаика, репатрианта Александра Гольдштейна: «Кстати, он <Гольдштейн> был очень спокойным эмигрантом, считал, что идея „Россия-центризма“ в литературе уже прошла, и русская диаспора в любой стране может создавать собственную культуру» (Шишкин 2014).

Тем не менее, ипостась «(о)хранитель» уже имеющейся русской культуры в облике современных культуртрегеров – переселенцев из России в «концепции» Шишкина имеет место быть. Миссия диаспоры (в лице Шишкина) предполагает осуществление процесса некоего остранения «искусства русской речи» (там же), отчуждения слова от вещи – от реалий исключительно русской жизни, от клишированного восприятия того или иного явления русской культуры в рамках определенных художественных и языковых традиций. Необходимость работы по «спасению» «вещества русской литературы» (Шишкин 2006) от неистребимого в российском пространстве налета идеологизации и политизации – принципиальная

⁴ «На берегах альпийских озер тесно от русских теней. Швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях. Скрыбин спешит по женевской улице навстречу бегущему за акушеркой Достоевскому, а потом оба отпевают в церкви на рю Родольф-Тепфер своих дочерей. Пансионерка Муся Цветаева скачет к маме вприпрыжку по набережной Уши мимо задумавшего Азефа. Герцен и Солженицын печатаются в одной газете. На вершине горы Риги встречают восход плечом к плечу Тютчев и Бунин» (Шишкин 1998).

и неизменная позиция Шишкина. Об этом он писал в 2005–2006 гг. и это же повторяет в интервью 2010 г.:

*Собственно, все просто: я должен был спасти свой язык. Мой язык должен был спасти меня. <...> Я стал писать роман сначала [речь идет о романе «Венерин волос», начатом в России. – Г.М.], но уже по-другому и о другом. Просто стало как-то очевиднее, что нужно писать чисто и ясно. Скажешь любое слово, самое безобидное, самое объективное, например, наука, – и начинается непонимание. Одно дело, ученый здесь занимается земельными отношениями в пятнадцатом веке в кантоне Гларус, где и спустя пятьсот лет та же земля принадлежит той же семье. И совсем другое дело – вопрос о частной собственности на землю там, где такая наука – сало в огонь будущей гражданской войны. <...> Студенты цюрихского славянского семинара читают Хармса (со словарем и восхищением), но это не тот Хармс. Швейцарский Хармс о чем-то другом. Наши – однайцевый близнец того же Платонова. Их слова, выброшенные на альпийский ветер, звучат в русском веществе **чисто и ясно**.*

(Шишкин 2006.

Выделено мной. – Г.М.)

Мы слишком другие и пишем о себе. А читателю хочется читать не про нас, а про себя. <...> Мне кажется, новый русский роман найдет читателя в мире, когда мы перестанем бултыхаться на поверхности среди наших экзотических проблем и актуального политического мусора, а нырнем в человеческую глубину.

(Шишкин 2010а)

В нескольких беседах Шишкин предлагает свое определение категории ‘русская литература’: «Русская литература – это не форма существования язы-

ка, а способ существования в России нетоталитарного [то есть свободного, не слиянного с властью, не упрощенного, не стереотипного и т.п. – Г.М.] сознания» (Шишкин 2005)⁵. В этой дефиниции очевидна полемика с одним из самых авторитетных русских эмигрантов – Иосифом Бродским, который заявлял: «Поэзия это не „лучшие слова в лучшем порядке“, это – высшая форма существования языка» (Бродский 1979)⁶. Полемика, думается, безосновательная, потому что Бродскому же принадлежит и иная формулировка сути литературного творчества, близкая шишкинской: «Песнь есть форма лингвистического неповиновения, и ее звуки ставят под сомнение не только конкретную политическую систему, но и весь существующий порядок вещей. И количество ее врагов пропорционально увеличивается» (Полухина 1997, 64).

Как бы то ни было, но романы Шишкина, написанные за рубежом (*Венерин волос*, *Письмовник*), действительно, являются собой «чистые и ясные» повествования о частном человеке, живущем «везде и всегда», то есть в пределах созданного Шишкиным «языкомира» («мироязыка») (см.: Шишкин 2010б).

При этом нельзя не обратить внимания на действительное расхождение между Бродским и Шишкиным: откры-

⁵ Ср. позднее, в 2010 г.: «...роль настоящей литературы сегодня нисколько не изменилась – это способ пишущего и читающего сохранить свое человеческое достоинство в окружении хамства, стеба, мата и гламура. Повторю уже не раз сказанное. Литература в России есть форма существования нетоталитарного сознания» (Шишкин 2010а).

⁶ Ср. в «Нобелевской лекции» Бродского 1987 г.: «Поэт... есть средство существования языка» (Бродский 1992, 461).

венному «языкоцентризму» Бродского противостоит явный «литературоцентризм» Шишкина, для которого, на наш взгляд, позиция Т. С. Кольриджа, оспариваемая Бродским, остается актуальной. Напомним, что в своей дефиниции поэзии («Поэзия это не „лучшие слова в лучшем порядке“, это – высшая форма существования языка») Бродский отталкивался от «простых определений прозы и поэзии» (“*homely definitions of prose and poetry*”), некогда предложенных английским поэтом: «...проза – слова в лучшем порядке; поэзия – лучшие слова в лучшем порядке» (“...*prose = words in their best order; poetry = the best words in their best order*”, Dictionary 1996).

Сравним у Шишкина:

*...всё внесловесное отбрасывает тени – слова. Но разве любое слово, самое замечательное и замызанное, например «любовь», может выразить хоть малую часть того, что мы испытываем? Нет, конечно. Тень – она и есть тень. Словесное само по себе обречено на невозможность что-то выразить, объяснить. Но при этом возможно искусство тени: вот мы приходим в театр теней и начинаем переживать за них, как за живых. И вот проза – это такой театр теней. **Проза – привилегия делать мертвое живым. Нужно только знать, как правильно расставить буквы.***

(Шишкин 2011.

Выделено мной. – Г.М.)⁷

⁷ См. также: «Не язык развивает писателя, а писатель – язык. Если ты гонишься за сегодняшним сленгом, то для следующего поколения твои тексты покажутся с запашком, потому что ничто так быстро не плесневеет, как „живой“ язык. Писатель должен решить для себя, независимо от того, по какую сторону границы он находится, что делать: или гнаться

Впрочем, и лингводицея (А. Глушко) Бродского и литературный логоцентризм Шишкина в большой степени связаны, вероятно, с языковым и социокультурным одиночеством, вызванным перемещением в иную страну. Поэтому размышления Якова Гордина об абсолютизации языка у Бродского в равной степени можно отнести и к «литературоцентризму» Шишкину:

он <язык – Г.М.> выбран... как идеальная модель существования мира, гармоническое отношение к которой оправдывает существование поэта, если он живет внутри этой сферы, а не ходит по ее поверхности. <...> Это поиски незыблемой и родной опоры, потому что бултыхаться в неопределенном пространстве для человека, обладающего интеллектом, помимо всего прочего, еще и как-то обидно. Хочется стоять на чем-то.

(Полухина 1997, 63–64)

Но столь же существенно и то, что для обоих (Бродского и Шишкина) искусство слова – форма сопротивления гипнозу покинутых ими реальности и системы, «идеологически перегруженной» (Гудков и др. 1998, 65) и склонной к эстетическому и этическому насилию.

В путевых эссе и интервью Шишкина, помимо «оглядки» на Бродского, постоянны упоминания еще двух русских эмигрантов – Владимира Набокова и Александра Солженицына. Социокультурные и политические позиции Солженицына и Набокова Шишкин интерпретирует как противоположные (что ново) посредством метафор «мужест-

за сегодня, которое уже завтра превратится во вчера, или создавать свой язык, который будет живым и после смерти автора» (Шишкин 2007).

венный Борец» и «несгибаемый Дезертир» (Шишкин 1998). Бóльший интерес представляет осмысление эмигрантского писательского бытия Солженицына и Набокова для формирования представления Шишкина о самом себе.

С одной стороны, Шишкин заявляет о себе как о воителе на ниве русской словесности, напоминая этим активную литературно-публицистическую и практическую (разумею прежде всего *Русский словарь языкового расширения*) деятельность Солженицына. Прочитывая интервью Шишкина, данное им в 2005 г.:

Никакой нейтральной позиции я не занимаю. Наоборот. Дело в том, что предшественники из Монтрё, Вермонта [то есть Набоков и Солженицын – Г.М.] и далее по всем пунктам уезжали из России до ее грехопадения. Царизмкоммунизм – это райское неведение ответственности за себя. Жизнь была внятной: плохой режим, хорошие мы. Прогнать царя и КПСС – жить будем по-людски. И вот свершилось. Обтрясли древо познания, нажрались яблок до боли в животах. На наших глазах страна получила свободу стать самой собой. И стала. Сделала свой свободный выбор. Сменила кожу. Но говорит она на том же языке. <...> Быт всегда обходился без слов: мычанием, междометиями, цитатами из анекдотов и кинокомедий. Связные слова нужны власти и литературе. <...> Тоталитарное сознание с лихвой обслуживалось приказами и молитвами. Сверху – приказы, снизу – молитвы. <...> Мат — живая молитва тюремной страны. Указ и матерщина – это отецественные инь и ян, дождь и поле, детородный орган и влагалище. Вербальное зачатие русской цивилизации. Были бы границы на замке, не было бы никакой русской литературы. Весь [русский]

XVIII век – это, по сути, переводы и подражания. Для выражения нетюремного сознания не было словесного инструмента. Его нужно было сперва создать. Русский учили как иностранный и вводили отсутствовавшие понятия: общественность, влюбленность, человечность, литература. Русская литература втиснулась в трещинку между окриком и стоном. Вклинилась в чужие объятия. Из слов построила великую русскую стену между властью и народом. Язык Кремля и лагерный сленг улицы имеют одну природу. В стране, живущей по неписаному закону законов, – сильнейший занимает лучшие нары – наречие адекватно реальности. Слова насилуют. Опускают. Язык русской литературы – это оборона. Островок слов, на котором должно быть сохранено человеческое достоинство. Сам по себе литературный язык не существует, его нужно каждый раз создавать заново. Чем я и занимаюсь. Это моя борьба, моя война. А вы говорите о какой-то нейтральной позиции.

(Шишкин 2005.

Выделено мной. – Г.М.)

С этой точки зрения, переход на иной язык художественного письма Шишкину кажется невозможным: «И эмигрировать из родного языка, как это сделал Набоков, для меня невозможно. Я всегда буду писать мою прозу по-русски» (Шишкин 2010а. Выделено мной. – Г.М.).

С другой стороны, на выстраиваемой в травелогах оси «Николай Карамзин – Сергей Нечаев» (где первый, как полагает Шишкин, в своих записках о Швейцарии задал «новый для тоталитарной системы вектор движения – к приоритету ценностей частной жизни», а второй обрел в Швейцарии «райское место» для «подготовки русского террора» [Шишкин 1998]) Шишкин дви-

жется не в нечаевско-солженицынском направлении, а в карамзинском – «в сторону Набокова»⁸:

Вся его <Набокова> жизнь – спасение своей семьи, своего языка и рукописей-карточек от идеологий и режимов. Своим героям он дарит край, где можно жить и умереть просто от частной жизни – без помощи тиранов. Себе он дарит страну «счастливых швейцаров».

(Шишкин 1998)⁹

Замечу, что идея *privacy* и роли литературы в ее становлении и утверждении являлась также одной из важнейших составляющих мировоззрения Бродского¹⁰. Таким образом, *disederata* Шишкина:

И русских снова начнут читать на Западе, когда они начнут писать не о русской экзотике, а про читателя, вне зависимости от того, какова его национальная принадлежность: китаец он, или американец, или, допустим, швейцарец. Ведь когда человек на Западе читает что-то о Пьере Безухове и князе

⁸ Так называется глава в книге *Русская Швейцария*, в которой, помимо прочего, излагается известная история «невстречи» четы Набоковых с А. и Н. Солженицыными в отеле Монтрё-Палас.

⁹ Ср. в диалоге Шишкина с Б. Акуниным: «Для героев и борцов, готовых „заложить жен и детей“ за правое дело, Россия – правильное место. Но что делать, если тебе важнее не сесть в тюрьму за участие в протесте, а обеспечить здоровое и достойное будущее для своих детей, и это будущее начинается сегодня, уже наступило? И если ты не хочешь терпеть и вымирать? И не хочешь искать точек соприкосновения с теми, соприкосновение с которыми вызывает рвотный рефлекс?» (Шишкин, Акунин 2013).

¹⁰ См., к примеру, в «Нобелевской лекции»: «Одна из заслуг литературы в том и состоит, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных, то есть участи, известной иначе под почетным именем „жертвы истории“» (Бродский 1992, 453).

Болконском, то он фактически читает про себя. И когда современные творцы научатся писать просто о человеке, как это умел делать, например, Толстой, тогда придёт волна новой русской литературы, придёт новый русский роман, который уже будут читать везде.

(Шишкин 2010)

порождена ориентацией на немногие образцы писательского поведения художников XX в. (Набокова, Бродского), отказавшихся пожертвовать ценностями частной жизни в угоду «привитому великой литературой презрению к „аисту на крыше“», ложному стыду по поводу «очевидной бессмысленности „трудодней“ при любом режиме» и «генетической предрасположенности к высоким идеалам» (Шишкин 1998).

Итак, Швейцария с акцентуируемыми ею так называемыми «простыми человеческими ценностями» предоставила для Шишкина тот ареал обитания, в котором могут осуществляться его писательские интенции: «Я хочу написать роман, в котором от начала до конца, от жизни до смерти герои будут переживать человеческие проблемы, а не те, которые ставит перед ними политика. Роман о людях, которые мучаются по другим причинам, не по тем, что мучают людей сейчас в этой стране [то есть в России. – Г.М.]» (Цит. по: Березин 2001)¹¹.

В принципе соглашаясь с созданным в европейской и русской культурах топомосом Швейцарии как альпийского эде-

¹¹ Ср. более позднее и высокопарное: «продолжить тот сакральный первотекст, который окутывает землю человечностью, без которого жизнь на космическом морозе была бы невозможной» (Шишкин 2007).

ма, Шишкин тем не менее проводит в своей путевой прозе ревизию подобных представлений, верифицирует образ земного «рая», который был создан за долго до него:

Что это вообще такое, Швейцария? Ожившая витрина игрушечного магазина? Набор почтовых открыток вместо пейзажа? Послушание законам, собой же и придуманным? Святая уверенность деду, что его лужайка достанется внуку? Государство, скроенное по фасону гоголевской шинельки? Накопленный труд поколений, перед которыми бессильны все революции и идеи? Россия наоборот?

(Шишкин 1998)

Стратегия создания шишкинского представления о Швейцарии – различение внешней, фетишизируемой культурой Швейцарии и Швейцарии глубоинной, подлинной, демаскированной:

Русские писатели придумали какую-то свою Швейцарию... <...> придуманная русским воспаленным сознанием Швейцария к реальной стране с таким названием, конечно, никакого отношения не имеет. Кстати сказать, никакому швейцарцу в голову не придет называть свою страну, измученную самоубийствами, «земным парадизом». Мне необходимо было понять, что же такое настоящая Швейцария, что кроется за страной-мифом, в которой я живу?

(Шишкин 2006а)¹²

¹² В завершающем эту цитату высказывании речь идет формирования этнического стереотипа (в данном случае швейцарского) посредством «представления о себе через другого» (см.: Цивьян 2001, 11), и вывод Шишкина о том, что «швейцарцы и сами приложили руку к упрочению мифа о себе и своей стране» (эссе «Как сделан рай») вполне закономерно – чужие представления уточняются или развиваются своей культурной традицией.

Схема, на мой взгляд, достаточно тривиальная. Ее контуры напоминают, к примеру, то, как складывался образ Парижа у представителей русской «молодой прозы» конца 1950 – нач. 1960-х гг. (будущих эмигрантов). На облике их Парижа лежали отпечатки прозы Хемингуэя и Скотта Фицджеральда. Так, В. Аксенов свидетельствовал:

Когда я первый раз весной 1963-го попал в Париж, он оказался для меня окрашенным, кроме всех своих собственных очарований, еще и хемингуэвским очарованием, быть может самым сильным. Это был не только Париж десяти веков, но и Париж тех мимолетных, быстро пропавших молодых американцев.

(Аксенов 2009)¹³

В случае Шишкина меняется только направление взгляда, от которого зависит характер воспринимаемого объекта. Это точка зрения русской, а не зарубежной культуры: взгляд сквозь Гоголя, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Дягилева, Стравинского, Скрябина, Нижинского, Фокина, Бунина, Солженицына, Набокова, В. Некрасова, Максимова и т.д. У истоков создания Швейцарии как идиллического пространственно-временного и социально-политического образования в русском культурном сознании, согласно Шиш-

¹³ Ср. у самого Шишкина: «Я приехал туда <в Париж – Г.М.> жутко холодной зимой, и город совершенно не соответствовал моим представлениям о нем – компиляции Хемингуэя и русских эмигрантов, и вот там оказалась зима, как в России, все выморожено, фонтаны представляют из себя глыбы льда, в метро войти нельзя, потому что туда переместились все клошары с улиц, принеся с собой все свои запахи. В кафе невозможно было сидеть – так холодно. Это был какой-то не тот Париж» (Шишкин 2000).

кину, стоит Н. М. Карамзин¹⁴. Шишкин подробно исследует все грани созданного русскими идиллического образа «рая при низкой температуре» (С. Рахманинов), который не могут поколебать даже обильно цитируемые Шишкиным швейцарские письма раздраженного Ф. Достоевского¹⁵.

В *Русской Швейцарии*, изобилующей фотографиями с видами и артефактами швейцарской природы и цивилизации и франко-немецкими топонимами, налицо акт освоения и присвоения повествователем этого, все еще **чужого**, времени-пространства посредством восстановления истории освоения этого хронотопа его прежними, **своими** насельниками – персонажами русской культуры и цивилизации. Именно таким образом Шишкин создает «межпространство» (“*in-between*”) для своего личного бытия, социального и духовного. Один из ответов писателя о причинах возникновения книги *Русская Швейцария* звучит так:

...она родилась из ощущения пустоты под ногами. Ты не можешь суще-

¹⁴ «Россия увидела Швейцарию глазами Николая Карамзина. Именно Карамзин ... переписал миф о Швейцарии в русской тональности. „Письма русского путешественника“, результат его путешествия по Швейцарии в 1789 году, можно назвать своеобразным видом на жительство, данным этому мифу в русском культурном пространстве. В отличие от своих западноевропейских коллег-писателей той эпохи Карамзин не мог при изображении Швейцарии опираться на предшественников, в русской литературе подобной традиции не существовало. Еще не было русской Швейцарии» (Шишкин 2008).

¹⁵ Доказательство тому – циркулирующие по сей день универсальные идиллические клише Швейцарии как прекрасной страны гор и озер, которые поддерживаются современной масскультурой, питающей рядовой туризм. См., к примеру, детектив Н. Бегловой *Путешествие в райские кущи* (Москва: Издательский дом Логос, 2014).

ствовать без истории. <...> Истории страны, в которой ты живешь. Ты приходишь, а вдруг получается, что этой истории нет, вернее, она еще не написана. <...> Карамзин писал «Историю государства Российского», чтобы оцутить твердь под ногами. И вот, чтобы не провалиться в пустоту, я написал историю моей страны, которой нет. <...> мне просто нужно сделать Швейцарию своей, населить ее знакомыми и друзьями. Так родилась «Русская Швейцария». Я понял, что на самом деле и Бунин, и Достоевский, и все другие русские – мои родственники там, я их нашел в этих чужих городах.

(Шишкин 2000.

Выделено мной. – Г.М.)

Есть некоторая доля снисходительности и иронии в отношении к предшественникам, создававшим русский культурный миф о Швейцарии, когда Шишкин высказывает (неоднократно) мысль о «бойнице, сквозь которую русские смотрят на Божий мир»: «Ни один русский автор, писавший о Швейцарии, этой страны по сути не увидел, да и не хотел увидеть. Смотрели на Альпы, а видели Россию» (там же).

Для себя Шишкин, вроде бы, намечает иную повествовательную стратегию: «...мне история [история «русской Швейцарии» – Г.М.] нужна не для того, чтобы войти в Россию, а для того, чтобы избавиться от нее» (цит. по: Березин 2001). Смысл этой фигуры писательской мысли можно истолковать двояко: 1) речь идет об избавлении от штампов представления чужого через свое, своего через чужое, коль скоро путь в Швейцарию, то есть пространственная дислокация автора романа-путеводителя, оканчивается перемещением во времени – в

прошлое бытие швейцарских россиян; 2) Шишкин имеет в виду компенсацию образовавшейся «нехватки» (утраты России как персонально-личностного локуса) в процессе писания «истории» русской Швейцарии¹⁶. При любой интерпретации вышеприведенного высказывания элементы не просто русского, но именно «российского дискурса» являются, на мой взгляд, неизменными, осознанными или бессознательными, составляющими выражения авторского сознания у самого Шишкина. Приведу примеры эксплицитных суждений:

Швейцария, как и Россия, очень закрытая для иностранцев страна. Можно сколько угодно открывать все новые двери, и каждый раз все равно окажешься перед очередной закрытой (Шишкин 2006а); Швейцария – страна за семью печатями. Так же как и Россия. Страна только для посвященных. В этом есть нечто иррациональное, невыразимое словами. Василий Розанов, рассуждая о своей родине, превосходно описал это: «Ты внимательно смотришь на русского... Он внимательно смотрит на тебя...

И все понятно.

¹⁶ Согласно известной максиме Теодора Адорно: «Для человека, у которого нет больше родины, письмо становится местом для жизни» (“*For a man who no longer has a homeland, writing becomes a place to live*”) (Adorno 2005). См. также: Бугаева 2006, 63–64.

Объективности ради заметим, что в одном из последних интервью Шишкин иронизирует по поводу подобного состояния/ощущения: «Ностальгия. Вам это знакомо? – Ностальгия желудка – да. Иногда так припрет, что сварить себе борщ, именно такой, как мама варила. Ностальгия по прошлому? По молодости? Это же совсем другое. А ностальгия по России – это что-то из устаревшего лексикона времен эмиграций прошлого века. Мы живем в XXI веке, здесь нет ни границ, ни эмиграций. Купил билет на „Аэрофлот“ – и вперед, enjoy it! Добро пожаловать в пространство экстрима!» (Шишкин 2013).

И не нужно слов.

Синостратцем так никогда не получится».

В этом швейцарцы похожи на нас.

(Шишкин 2008);

Шишкин сказал: – Главное качество, которое отличает швейцарцев, – вначале оно вызывало недоумение, а теперь я понял его глубокую мудрость... – это некоторое самоуничтожение. Как у нас, только, по сравнению с русскими, это принимает совсем другую форму.

(цит. по: Березин 2001.

Выделено мной.– Г.М.).

Но большее впечатление производят проявления культурного бессознательного волящего субъекта (автора). Например, в связи с тем, что Швейцария не была затронута мировыми войнами, Шишкин пишет: «Как если бы **фарфоровый сосуд** в посудной лавке **остался цел и невредим**, несмотря на то, что туда с топотом ворвалось стадо слонов и устроило побоище» (Шишкин 2008. Курсив мой. – Г.М.). Налицо отсылка не столько к зоофраземе «слон в посудной лавке», сколько к стихотворению Николая Агнивцева «О слонах и фарфоре» (Агнивцев б. г.). Однако фоновые знания читателя, актуализирующие при чтении книги Шишкина смыслы, связанные с тематическим комплексом «эмиграция – русский писатель – Россия», а также звуковая память слова «фарфоровый»¹⁷ позволяют расширить поле интертекстуальных отношений и включить в него известный словесный образ В. Набокова. В романе *Подвиг*

¹⁷ «Под звуковой памятью слова понимается его способность притягивать к себе близкозвучные слова, образуя звуковые парадигмы...» (Фатеева 2003). В данном случае слово «фарфоровый» «притягивает» к себе слово «амфора».

(завершенном, к слову, в Швейцарии) читаем:

...он < профессор русской словесности Арчибалд Мун. – Г.М.> вместе с тем утверждал, что Россия завершена и неповторима, – что ее можно взять, как **прекрасную амфору**, и **поставить под стекло. Печной горшок**, который там теперь обжигался, ничего общего с нею не имел.

(Набоков 1990, 198.
Выделено мной. – Г.М.)

Траектория интертекста выводит нас к двум претекстам – к прозе Набокова и поэзии Дж. Китса. Набоковская оппозиция «прекрасная амфора».vs.«печной горшок» «расцвечена... прозрачным пурпуром пушкинских стихов» (там же) и одическими интонациями Китса (Дарк 1990, 443). Она восходит к известной пушкинской контрверзе «Аполлон Бельведерский и печной горшок» (стихотворение «Поэт и толпа») и (это в контексте наших рассуждений особенно важно) к ностальгическому прославлению античного, пасторального идеала гармонии и красоты у Дж. Китса («Ода греческой вазе»)¹⁸. Таким

¹⁸ См. у Китса: “Thou still unravish’d bride of quietness, / Thou foster-child of silence and slow time, / Sylvan historian, who canst thus express / A flowery tale more sweetly than our rhyme... // <...> Or mountain-built with peaceful citadel, / Is emptied of this folk, this pious morn? / And, little town, thy streets for evermore / Will silent be; and not a soul to tell / Why thou art desolate, can e’er return. // O Attic shape! Fair attitude! with brede / Of marble men and maidens overwrought, / With forest branches and the trodden weed; / Thou, silent form, dost tease us out of thought / As doth eternity: Cold Pastoral!” (Keats n.d.). В рус. пер. Г. Кружкова: «О строгая весталка тишины, / Питомица медлительных времен, / Молчунья, на которой старины / Красноречивый след запечатлен! // <...> Уже не сможет камень рассказать. / Пустынных улиц там покой глубок, / Века прошли, века еще пройдут, / Но ни души не воротится вспять. // Высокий мир! Высо-

образом, скрытая отсылка к Набокову по необходимости влечет за собой ассоциации с воспетым и осмысленным античностью золотым веком, идиллией, буколикой, перенесенными Шишкиным (в отличие от соотнесенного с Россией набоковского художественного образа) исключительно на швейцарскую почву¹⁹. Обоснованность переноса в другом тексте, в *Русской Швейцарии*, Шишкин подкрепляет таким доводом: «На **тихом берегу Женевского озера** Набоков находит покой – свою „Земблю“» (Шишкин 2011а. Выделено мной. – Г.М.), оставляя без комментариев тот факт, что идеальная «ослепительная Зембла, пылающая в мозгу» (“dazzling Zembla burning in my brain” [Nabokov 1975]) Чарльза Кинбота (героя набоковского романа *Бледный огонь*), возможно, корреспондирует с Россией²⁰.

Таким образом, в отдельных случаях не столько на уровне деклараций, сколько на образном уровне, писатель «вольно или невольно» разделяет точку зрения большинства русских насельников на швейцарский культурный миф, воплощающий локус обычного земного счастья. В этом Шишкин схож с автором памятника полководцу Суворову на

кая печаль! / Навек смиренный мрамором порыв! / Холодная, как вечность, пастораль! / Когда и мы, дар жизни расточив, / Уйдем бесследно...».

¹⁹ Далее в тексте подобная авторская оценка Швейцарии выражена открыто: «Слишком все это напоминает **идеальное государство**, грезу эпохи Великих географических открытий, как будто речь идет о **Городе солнца, о царстве не от мира сего**» (Шишкин 2008. Выделено мной. – Г.М.).

²⁰ См., к примеру, в письме Веры Набоковой издателю Уолтеру Минтону, потребовавшему комментарии к завершённому в Швейцарии *Бледному огню* (1962): «Мы даже не знаем, что такое Зембла: чистый ли вымысел или род лирической параллели с Россией» (цит. по: Бойд 2010).

перевале Санкт-Готард, который описывается в одном из его эссе:

На полуживой кляче примостилась курицей сумасшедшая старуха, в которой трудно узнать привычный молодецкий образ народного любимца-генералиссимуса. Глаза устремлены в небо, а рука вознесена в крестном знамении. Альпийский крестьянин-проводник с сожалением и сочувствием смотрит на уставшую, изможденную лошадь. Вольно или невольно скульптор создал метафору двух мироощущений: русская мессианская идея, оседлав народ, гонит его Бог знает куда, а швейцарский пастух, не глядя в небо, пытается найти надежную тропинку среди скал и пропастей.

(Шишкин 2006б)

Надо сказать, что в *Русской Швейцарии* многое остается вне комментариев автора, сделавшего ставку на яркость и выразительность самих фактов и цитат, связанных с пребыванием русских на швейцарской земле. А между тем, есть некоторое количество сведений, которые проясняют своеобразие «присвоения» русскими иноземного пространства. И если бурная деятельность, к примеру, Рахманинова, разворачивающегося весной 1932 г. строительство виллы на купленном в горах Швейцарии участке и именующего себя в письмах «бюргером»²¹, укладывается в модель пространственного програм-

²¹ «В письмах Рахманинов называет „Сенар“ своим „имением“. Возможно, он действительно хотел создать себе на берегу альпийского озера кусочек России. Софья Сатина: „Наталья Александровна постоянно дразнила Сергея Васильевича, говоря, что он собирается из Швейцарии сделать Ивановку, приготавливая такое ровное, плоское место для луга и сада“. <...> Рахманинов строит пристань, ангар и покупает моторную лодку. Приехавшим в гости друзьям, Сванам, композитор с гордостью говорит: „Вот теперь посмотрите, посмотрите на набережную, – совсем как в Севастополе!“» (Шишкин 2011а).

мирования (*la programmation spatiale* [Greimas, Courtés 1979, 295–296]), когда социокультурный локус навязывает иностранным населенникам известный способ пребывания, поведения и чувствования, то, вероятно, нередки и те случаи (повторяю – оставшиеся без шишкинского комментария), когда определенное поведение определенных персонажей переконфигурирует тот или иной сегмент швейцарского локуса и придает ему новые значения. Так, к примеру, динамика природного бытия горной Швейцарии становится прекрасным материалом для излюбленных Набоковым описаний оптических иллюзий, сдвигов и эффектов:

Нет ничего более восхитительного, чем выйти ранним утром с сачком, подняться по канатной дороге в безоблачное небо, наблюдая за тем, как подомной, сбоку, поднимается тень воздушного стула с моим сидячим силуэтом и тенью сачка в руке, – она стелется по склону, колеблется под ольховыми деревьями, стройная, гибкая, помолодевшая, преображенная эффектом проекции, грациозно скользит в этом почти мифологическом вознесении. Возвращение не столь красиво, так как солнце переместилось, – я вижу карликовую тень, два толстых колена, все изменилось. Изменилась перспектива сачка, и я больше не смотрю на него»²².

В заключении остановимся на послые Шишкина в адрес читателей его путевой прозы. Русское название переведенных с немецкого языка глав из *Литературной прогулки от Женевского озера в Бернские Альпы* – «Как сде-

²² Шишкин приводит выдержку из беседы Набокова с Пьером Домергом (см. Звезда 1996, № 11, с. 58) в *Русской Швейцарии*.

лан рай» – отсылает к теоретическому наследию формализма («Как сделана „Шинель“ Гоголя» Б. Эйхенбаума) и *a priori* предполагает художественную конструкцию, в которой из текста произведения будут исключены биографический автор, его психология или психология его героев во имя техники поэтологического анализа идилического локуса Швейцарии. Но неожиданно в повествовании, претендующем (исходя из названия) на беспристрастный структурный анализ стороннего наблюдателя, вклиниваются разного рода рефлексии, психологические мотивации повествователя и автора. Например:

Оказавшись в Швейцарии, я прежде всего должен был понять, кто я и где я. Понять что-то – для меня значит написать об этом книгу. Получилась «Русская Швейцария». С помощью этой книги я через Швейцарию попытался понять что-то о себе и стране происхождения.

(Шишкин 2006а.
Выделено мной. – Г.М.)

Как видим, Шишкин проблематизирует не только Швейцарию в аспекте соотношения страны-реальности со страной-мифом, но и собственную гибридную идентичность русского насельника Швейцарии, которая выстраивается в пространстве «выхода за пределы» (“*in beyond*”, «*au-delà*»²³) од-

²³ По определению Х. Баба, обоснованного утверждающего, что «... в конце века мы оказываемся в момент транзита, когда пространство и время пересекаются для создания сложных фигур различия и тождественности, прошлого и настоящего, внутреннего и наружного, включения и исключения. От этого ощущение дезориентации, нарушения направления, <нахождения> „за рамками“: исследовательское беспокойное движение, так хорошо передаваемое французским *au-delà* – за пределами, здесь и

народной культуры, или, словами заглавия процитированного выше эссе, – на «русско-швейцарской границе».

Отсутствие субстанциональной основы-почвы для самоидентификации автора как жителя и гражданина Швейцарии послужило причиной того, что «культурная пустыня», связанная с потерей персонально-личностного и геополитического локуса – России, заполнилась русским культурным мифом об ином, вновь обретенном и обживаемом локусе. В травелогии Шишкина пересказан русский культурный контекст Швейцарии, репрезентирован ее словесный образ, созданный очевидцами и проверенный автором. Высланный из России в 1922 г. философ и писатель Ф. А. Степун писал: «Любя Европу, мы, „русские европейцы“, очевидно любили ее только как прекрасный пейзаж в своем „Петровом окне“: ушел родной подоконник из-под локтей – ушло очарование пейзажа» (Степун 2000, 219).

Как видим, локти «русского европейца» Михаила Шишкина оперлись на то, что кажется эфемерным – на словесный подоконник художественного образа Швейцарии, сотворенный его русскими предшественниками, и «очарование» швейцарского пейзажа (прежде всего как социально-политического идеала гражданского устройства) осталось незыблемым.

там, со всех сторон, ... туда-сюда, взад-вперед) (“... in the fin de siècle, we find ourselves in the moment of transit where space and time cross to produce complex figures of difference and identity, past and present, inside and outside, inclusion and exclusion. For there is a sense of disorientation, a disturbance of direction, in the ‘beyond’: an exploratory, restless movement caught so well in the French rendition of the words *au-delà* – here and there, on all sides, ... hither and thither, back and forth”) (Bhabha 1994).

ЛИТЕРАТУРА

- Агнивцев, Н. б. г. *Избранные стихи*. Режим доступа: <https://books.google.lt/books?isbn=5457133494> [см. 12 05 2014].
- Аксенов, В. 2009. Круглые сутки нон-стоп. Впечатления, размышления, приключения. *Аксенов, В. Гибель Помпеи* (эл. книга). Москва: Эксмо. Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/vasiliyi_aksenov/gibel_pompei_sbornik/read_online.html?page=24 [см. 12 05 2014].
- Березин, В. 2001. Посещение кантона Ури (Предисловие к фрагментам книги М. Шишкина *Русская Швейцария*). *Дружба Народов* 4. 207–217. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2001/4/shish.html> [см. 12 10 2014].
- Бойд, Б. 2010. *Владимир Набоков: американские годы. Биография*. Москва: Симпозиум. Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/vladimir-nabokov-amerikanskie-gody-read-194254-263.html> [см. 3 02 2014].
- Бродский, И. 1979. *Поэт и проза. Предисловие к «Избранной прозе в двух томах» Марины Цветаевой (1979)*. Режим доступа: lib.ru/BRODSKIJ/br_poetprosa.txt. [см. 18 04 2014].
- Бродский, И. 1992. *Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы*. В 2-х тт. Минск: Эридан. Т. 2.
- Бугаева, Л. 2006. Мифология эмиграции: геополитика и поэтика. *Ent-Grenzen / За пределами: Интеллектуальная эмиграция в русской культуре XX века*. Под ред. Л. Бугаевой и Е. Хаусбахер. Франкфурт-на-Майне: Петер Ланг. 51–71. Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html> [см.: 10 09 2014].
- Гудков, Л., Дубин, Б., Страда, В. 1998. *Литература и общество: введение в социологию литературы*. Москва: РГГУ.
- Дарк, О. 1990. Примечания, *Набоков В., Собрание сочинений в 4 т.* Москва: Изд-во «Правда». Т. 2.
- Набоков, В. 1990. *Собрание сочинений в 4 т.* Москва: Изд-во «Правда». Т. 2.
- Полухина, В. 1997. *Бродский глазами современников. Сб. интервью*. С.-Петербург: Журнал «Звезда».
- Степун, Ф. А. 2000. Мысли о России. Очерк III, *Степун, Ф. А. Сочинения*. Москва: РОССПЭН.
- Фатеева, Н. А. 2003. *Поэт и проза: книга о Пастернаке*. Москва: Новое литератур-
- ное обозрение. Режим доступа: <http://coollib.com/b/243052/read> [см. 5 02 2014].
- Цивьян, Т. В. 2001. *Семиотические путешествия*. С.-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Шишкин, М. 1998. Урок швейцарского. *Иностранная литература* 9. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/9/shishkin.html> [см. 20 05 2014].
- Шишкин, М. 2000. «Все мы граждане кантона Ури». Беседовал В. Березин. 5 октября 2000 г., *НГ. Ex Libris. 05* Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-10-05/1_kanton.html [12 05 2014].
- Шишкин, М. 2005. «Язык – это оборона». Михаил Шишкин о новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу. Беседовал Глеб Морев. *Критическая масса* 2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html> [см. 20 11 2014].
- Шишкин, М. П. 2006. Спасенный язык. *Шишкин, М. П. Урок каллиграфии: роман, рассказы*. Москва: Вагриус. 345–350. Режим доступа: <http://www.goneliterate.ru/comm/rezervo/event/607.xml> [см. 20 05 2014].
- Шишкин, М. 2006а. На русско-швейцарской границе. *Новый Журнал* 242. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/242/sh29-pr.html> [см. 20 05 2014].
- Шишкин, М. 2006б. Вильгельм Телль как зеркало русских революций. Опыт сравнительной монументологии. *Иностранная литература* 2. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/2/sh9.html> [см. 20 04 2014].
- Шишкин, М. 2007. «Мои романы – это просто большие стихотворения». Беседовала Алена Бондарева. *Читаем вместе*, июнь. Режим доступа: <http://www.chitaem-vmeste.ru/pages/interview.php?pn=18&interview=50> [см. 20 05 2014].
- Шишкин, М. 2008. Как сделан рай. Отрывок из книги «Монтре-Миссолонги-Астапово. По следам Байрона и Толстого. Литературная прогулка от Женевского озера в Бернские Альпы». Пер. с нем. О. Козонкова. *Иностранная литература* 7, 237–257. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/7/sh14.html> [см. 12 10 2014].
- Шишкин, М. 2010. «Роман начинается с ощущения полной бездарности». Беседовала

Анна Грибоедова. *Культура* 25 (7738) 8–14 июля 2010 г. Режим доступа: http://www.kultura.portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp?number=892&rubric_id=1000188 [см. 20 05 2014].

Шишкин, М. 2010а. «Гражданин Альп». Интервью Е. Белжеларскому. *Итоги* 40 (747), 4 октября 2010. Режим доступа: <http://www.itogi.ru/iskus/2010/40/157417.html> [см. 10 05 2014].

Шишкин, М. 2010б. «Написать свою Анну Каренину...». Беседовала Марина Концевая. *9 канал*. Иерусалим, 5 декабря 2010. Режим доступа: <http://9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html> [см. 21 05 2014].

Шишкин, М. 2011. «Вперед, к Гоголю!». Беседовал Михаил Эдельштейн. *Эксперт* 18 (752). Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2011/18/vpered-k-gogolyui/> [см. 10 05 2014].

Шишкин, М. 2011а. *Русская Швейцария*. Москва: АСТ. Режим доступа: <http://www.litmir.me/br/?b=175230> [см. 18 04 2014].

Шишкин, М. 2013. «Вкусы меняются, литература остается». Беседовал со Светланой Дельфонцевой. *New Style* 119. Режим доступа: <http://newstyle-mag.com/personalii/mixail-shishkin-vkusy-menyayutsya-literatura-ostaetsya.html> [см.: 1 09 2013].

Шишкин, М. 2014. «Для меня русская литература – огромное дерево». *ReadRate*. 18 ноября 2014 г. Режим доступа: <http://readrate.com/rus/ratings/mikhail-shishkin-dlya-menya-russkaya-literatura-ogromnoe-derevo> [см. 19 11 2014].

Шишкин, М. б. г. «Ирод – это время». Интервью с писателем М. Шишкиным. *Богемный Петербург: интернет-журнал*. Режим доступа:

<http://bogemnyipeterburg.net/vocabulare/alfavit/persons/sh/shishkinMihail.htm> [см. 20 05 2014].

Шишкин, М., Акунин, Б. 2013. «Чтоб он провалился, византийский орел с двумя головами». Борис Акунин и Михаил Шишкин спорят о том, обречена ли Россия (29 июля 2013). Режим доступа: <http://gorod.afisha.ru/archive/akounin-vs-shishkin/> [см. 1 09 2013].

Adorno, Theodor W. 2005. *Minima Moralia: Reflections on a Damaged Life (Radical Thinkers)*. London: Verso Books. Available at: www.read.seas.harvard.edu/~kohler/z/adornoonwriting.html. Accessed: 12 May 2014.

Bhabha, Homi K. 1994. *Border lives: The art of the present*. Bhabha, Homi K. *Location of culture*. London: Routledge. Available at: <https://prelectur.stanford.edu/lecturers/bhabha/location1.html>. Accessed: 12 October 2014.

Dictionary, 1996. Dictionary.com. Columbia World of Quotations. Columbia University Press. Available at: http://quotes.dictionary.com/I_wish_our_clever_young_poets_would_remember. Accessed: 18 April 2014.

Greimas, Algirdas Julien, Courtés, Joseph. 1979. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris: Hachette.

Keats, John. n.d. *Ode on a Grecian Urn*. Available at: <http://www.poetryfoundation.org/poem/173742>. Accessed: 10 May 2014.

Nabokov, Vladimir. 1975. *Pale Fire*. New York: Berkley Books. Available at: http://www.24grammata.com/wp-content/uploads/2011/12/Nabokov-Pale-Fire-24grammata.com_.pdf. Accessed: 3 February 2014.

REFERENCES

Adorno, Theodor W. 2005. *Minima Moralia: Reflections on a Damaged Life (Radical Thinkers)*. London: Verso Books. Available at: www.read.seas.harvard.edu/~kohler/z/adornoonwriting.html. Accessed: 12 May 2014.

Agnivtsev, N. b. g. *Izbrannye stikhi*. [Selected verses]. Available at: <https://books.google.lt/books?isbn=5457133494>. Accessed: 12 May 2014.

Aksenov, V. 2009. *Kruglye sutki non-stop. Vpachatleniya, razmyshleniya, priklucheniya*. [Around

the clock non-stop. The impressions, reflections, adventures]. Aksenov, V. *Gibel' Pompei*. [The Death of Pompeii]. Moscow: Eksmo. Available at: http://fictionbook.ru/author/vasiliyi_aksenov/gibel_pompei_sbornik/read_online.html?page=24. Accessed: 12 May 2014.

Berezin, V. 2001. *Poseshchenie kantona Uri (Predislovie k fragmentam knigi M. Shishkina „Russkaya Shveysariya“)*. [A visit to the Canton of Uri (The Foreword to the Fragments of the book

“Russian Switzerland” by M. Shishkin]. *Druzhba Narodov* 4. 207–217. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/4/shish.html>. Accessed: 12 October 2014.

Bhabha, Homi K. 1994. *Border lives: The art of the present. Bhabha, Homi K Location of culture*. London: Routledge. Available at: <https://prelectur.stanford.edu/lecturers/bhabha/location1.html>. Accessed: 12 October 2014.

Boyd, B. 2010. *Vladimir Nabokov: amerikan-skie gody. Biografiya*. [Vladimir Nabokov: The American Years. Biography]. Moscow: Simpozium. Available at: <http://www.rulit.me/books/vladimir-nabokov-amerikanske-gody-read-194254-263.html>. Accessed: 3 February 2014.

Brodsky, J. 1979. *Poet i proza. Predislovie k „Izbrannoi proze v dvukh tomakh“ Mariny Tsvetaevoi*. [A Poet and Prose. Preface to the “Selected Prose in Two Volumes” by Marina Tsvetaeva]. Available at: lib.ru/BRODSKIJ/br_poetprosa.txt. Accessed: 18 April 2014.

Brodsky, I. 1992. *Forma vremeni. Stikhotvoreniya, esse, p'esy*. [The Form of Time. Poems, Essays, Plays]. 2 vols. Minsk: Eridan. Vol. 2.

Bugaeva, L. 2006. *Mifologiya emigratsii: geopolitika i poetika*. [Mythology of Emigration: Geopolitics and Poetics]. *Ent-Grenzen / Za predelami: Intellektual'naja emigraciya v russkoi kul'ture XX veka*. [Ent-Grenzen: Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts]. L. Bugaeva, E. Hausbacher (Hgg.) Frankfurt am Main: Peter Lang. 51–71. Available at: <http://ec-dejavu.ru/e/Emigration.html>. Accessed: 10 September 2014.

Dark, O. 1990. *Primechaniya*. [Notes]. *Nabokov, V. Sobranie sochinenii v 4 t.* [Nabokov, V. Collected Works in 4 volumes]. Moscow: Pravda. Vol. 2.

Dictionary, 1996. *Dictionary.com. Columbia World of Quotations*. Columbia University Press. Available at: http://quotes.dictionary.com/I_wish_our_clever_young_poets_would_remember. Accessed: 18 April 2014.

Fateeva, N. A. 2003. *Poet i proza: kniga o Pasternake*. [A Poet and Prose: A book about Pasternak]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Available at: <http://coollib.com/b/243052/read>. Accessed: 5 February 2014.

Greimas, Algirdas Julien, Courtés, Joseph. 1979. *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. Paris: Hachette.

Gudkov, L., Dubin, B., Strada, V. 1998. *Literatura i obshchestvo: vvedenie v sociologiyu literatury*. [Literature and Society: Introduction to the Sociology of Literature]. Moscow: RGGU.

Keats, John. n.d. *Ode on a Grecian Urn*. Available at: <http://www.poetryfoundation.org/poem/173742>. Accessed: 10 May 2014.

Nabokov, Vladimir. 1975. *Pale Fire*. New York: Berkley Books. Available at: http://www.24grammata.com/wp-content/uploads/2011/12/Nabokov-Pale-Fire-24grammata.com_.pdf. Accessed: 3 February 2014.

Nabokov, V. 1990. *Sobranie sochinenii v 4 t.* [Collected Works in 4 volumes]. Moscow: Pravda. Vol. 2.

Polukhina, V. 1997. *Brodsky glazami sovremennikov. Sbornik interv'yu*. [Brodsky Through the Eyes of his Contemporaries. Collection of interviews]. St. Petersburg: Zhurnal “Zvezda” publishing.

Stepun, F. A. 2000. *Mysli o Rossii. Ocherk III*. [Thoughts on Russia. Essay III]. *Stepun, F. A. Sochineniya*. [Works] Moscow: ROSSPĖN.

Shishkin, M. 1998. *Urok shveitsarskogo*. [Swiss Lesson]. *Inostrannaya literatura* 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/9/shishkin.html>. Accessed: 20 May 2014.

Shishkin, M. 2000. „Vse my grazhdane kantona Uri“. [“We are all Citizens of the Canton of Uri”]. An Interview with M. Shishkin by V. Berezin. 5 October 2000. *NG. Ex Libris*. 05. Available at: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-10-05/1_kanton.html. Accessed: 12 May 2014.

Shishkin, M. 2005. „Yazyk – eto oborona“. Mikhail Shishkin o novom tipe romana, russkom yazyke i lyubvi k Akakiyu Akakievichu. [“A language is a defence”. Mikhail Shishkin describes a new type of novel, the Russian language and love to Akaky Akakievich]. An Interview with M. Shishkin by Gleb Morev. *Kriticheskaya massa* 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html>. Accessed: 20 November 2014.

Shishkin, M. P. 2006. *Spasennyi yazyk*. [Saved language]. *Shishkin, M. P. Urok kalligrafii: roman, rasskazy*. [Calligraphy Lesson: the novel, stories]. Moscow: Vagrius. 345–350. Available at: <http://www.goneliterate.ru/comm/rezervo/event/607.xml>. Accessed: 20 May 2014.

Shishkin, M. 2006a. *Na russko-shveitsarskoi granice*. [On the Swiss-Russian border]. *Novyi Zhurnal* 242. Available at: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/242/sh29-pr.html>. Accessed: 20 May 2014.

Shishkin, M. 2006b. Vil'gel'm Tell' kak zerkalo russkikh revolyuciy. Opyt sravnitel'noi monumentologii. [Wilhelm Tell as the mirror of the Russian revolution. The experience of Comparative Monumentology]. *Inostrannaya literatura* 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/2/sh9.html>. Accessed: 20 April 2014.

Shishkin, M. 2007. „Moi romany – eto prosto bol'shie stikhotvoreniya“. [“My novels are just great poems”]. An Interview with M. Shishkin by Alena Bondareva. *Chitaem vmeste*, June. Available at: http://www.chitaem_vmeste.ru/pages/interview.php?pn=18&interview=50. Accessed: 20 May 2014.

Shishkin, M. 2008. Kak sdelan rai. Otryvok iz knigi „Montre-Missolongi-Astapovo. Po sledam Bairona i Tolstogo. Literaturnaya progulka ot Zhe-nevskogo ozera v Bernskie Al'py“. [How the Paradise is made. Excerpt from the book “Montreux-Missolunghi-Astapovo, in the Steps of Byron and Tolstoy. Literary walk from Lake Geneva to the Bernese Alps”]. Transl. by O. Kozonkova. *Inostrannaya literatura* 7, 237–257. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/7/sh14.html>. Accessed: 12 October 2014.

Shishkin, M. 2010. „Roman nachinaetsya s oshchushcheniya polnoi bezdarnosti“. [“A novel begins from a feeling of complete mediocrity”]. An Interview with M. Shishkin by Anna Griboyedova. *Kul'tura* 25 (7738) 8–14 July 2010. Available at: http://www.kultura_portal.ru/tree_new/culpaper/article.jsp?number=892&rubric_id=1000188. Accessed: 20 May 2014.

Shishkin, M. 2010a. „Grazhdanin Al'p“. [“An Alps Citizen”]. An Interview with M. Shishkin by E. Belzhelarsky. *Itogi* 40 (747), 4 October 2010. Available at: <http://www.itogi.ru/iskus/2010/40/157417.html>. Accessed: 10 May 2014.

Shishkin, M. 2010b. „Napisat' svoyu Annu Kareninu...“. [“To write your own Anna Karenina...”]. An Interview with M. Shishkin by Marina Koncevaya. *9 kanal*. Jerusalem, 5 December 2010. Available at: <http://9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html>. Accessed: 21 May 2014.

Shishkin, M. 2011. „Vpered, k Gogolyu!“. [“Forward to Gogol!”]. An Interview with M. Shishkin by M. Edelshtein. *Ekspert* 18 (752). Available at: <http://expert.ru/expert/2011/18/vpered-k-gogolyui/>. Accessed: 10 May 2014.

Shishkin, M. 2011a. *Russkaya Shveysariya*. [Russian Switzerland]. Moscow: AST. Available at: <http://www.litmir.me/br/?b=175230>. Accessed: 18 April 2014.

Shishkin, M. 2013. „Vkusy menyayutsya, literatura ostaetsya“. [“Tastes change, but literature remains”]. An Interview with M. Shishkin by S. Delfontseva. *New Style* 119. Available at: <http://newstyle-mag.com/personalii/mixail-shishkin-vkusy-menyayutsya-literatura-ostaetsya.html>. Accessed: 1 September 2013.

Shishkin, M. 2014. „Dlya menya russkaya literatura – ogromnoe derevo“. [“From my point of view, Russian literature is a great tree”]. *ReadRate*. 18 November 2014. Available at: <http://readrate.com/rus/ratings/mikhail-shishkin-dlya-menya-russkaya-literatura-ogromnoe-derevo>. Accessed: 19 November 2014.

Shishkin, M. n. d. „Irod – eto vremya“. [“Herod the Great is the Time”]. An Interview with M. Shishkin. *Bogemnyi Peterburg: internet-zhurnal*. Available at: <http://bogemnyipeterburg.net/vocabulare/alfavit/persons/sh/shishkinMihail.htm>. Accessed: 20 May 2014.

Shishkin, M., Akunin, B. 2013. „Chtob on prov-alilsya, vizantiiskii orel s dvumya golovami“. Boris Akunin i Mikhail Shishkin sporyat o tom, obrechena li Rossiya (29 iyulya 2013). [“Damn you, the Byzantine eagle with two heads”. Boris Akunin and Mikhail Shishkin argue about whether Russia is doomed (29 July 2013)]. Available at: <http://gorod.afisha.ru/archive/akounin-vs-shishkin/>. Accessed: 1 September 2013.

Tsiv'yan, T. V. 2001. *Semioticheskie puteshestviya*. [Semiotic travels]. St. Petersburg: Ivan Limbah Publ.

“WHEN YOU COME TO LIVE IN SWITZERLAND, YOU NEED TO FIND IT IN ITSELF AND FOR ITSELF”: THE SWISS IDYLIC LOCUS IN THE INTERPRETATION OF MIKHAIL SHISHKIN

Galina Michailova

S u m m a r y

This article deals with the book of the Russian writer Mikhail Shishkin “Russian Switzerland”, a chapter from his travelogue “Following Byron and Tolstoy. Literary walk from Lake Geneva to the Bernese Alps” as well as some essays of the writer. Shishkin presents the image of Switzerland, which was formed in the Russian culture for several centuries. The author of the article notes the particular Shishkin’s position associated with his status as an expatriate. Shishkin reconstructs in Switzerland segments of Russian history and culture, thereby mitigating the stress of his own acculturation. Shishkin’s

controversy with the Russian emigrants Solzhenitsyn and Brodsky are analyzed separately, as well as his relationship with Nabokov. The elements of the invaluable “discourse of Russia” in the travel notes of Shishkin are treated as a compensation for the resulting “deficiency” (the loss of Russia as a personal locus). Shishkin problematizes not only the relation of real Switzerland with Switzerland as a country-myth, but also his own hybrid identity as a resident of Switzerland. This identity is built in the space of “in beyond” of a homogeneous culture.

„KAI ATVAŽIUOJI GYVENTI Į ŠVEICARIJĄ, REIKIA ATRASTI JĄ SAU IR SAVYJE“: MICHAILO ŠIŠKINO ŠVEICARIJOS IDILINIO LOKUSO INTERPRETACIJA

Galina Michailova

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjama šiuolaikinio rusų rašytojo Michailo Šiškinio knyga „Rusiška Šveicarija“, jo travelogas „Byron’o ir Tolstojaus pėdomis. Literatūrinis pasivaikščiojimas nuo Ženevos ežero į Berno Alpes“, taip pat kai kurios rašytojo esės. Šiuose tekstuose Šiškinas pateikė tokį Šveicarijos vaizdinį, kuris rusų kultūros savimoneje susiklostė per keletą šimtmečių. Pabrėžiama ypatinga rašytojo pozicija, susijusi su jo kaip ekspatrianto (išeivio) statusu. Šveicarijoje Šiškinas rekonstruoja Rusijos istorijos ir kultūros segmentus, tarsi slopindamas stresą,

patiriamą dėl akulturacijos. Atskirai analizuojama Šiškinio polemika su rusų emigrantais Solzhenitsynu ir Brodskiu, taip pat atskleidžiamos jo sąsajos su Nabokovu. „Rusijos diskurso“ elementai, kurie tarsi būtini, Šiškinio kelionės užrašuose traktuojami kaip „stygiaus“ (Rusijos kaip asmens personalinio lokuso praradimas) kompensacija. Šiškinas problematizuoja ne tik realios Šveicarijos santykį su tos pačios šalies mitu, bet ir savo kaip Šveicarijos gyventojų hibridinę tapatybę, kuriamą peržengiant homogeninės kultūros ribas.

Получено: 2014, октябрь

Принято: 2014, октябрь

Adres autora:

Vilniaus universitetas

Rusų filologijos katedra

Universiteto g. 5

LT-01513 Vilnius Lietuva

E-mail: galina.michailova@flf.vu.lt